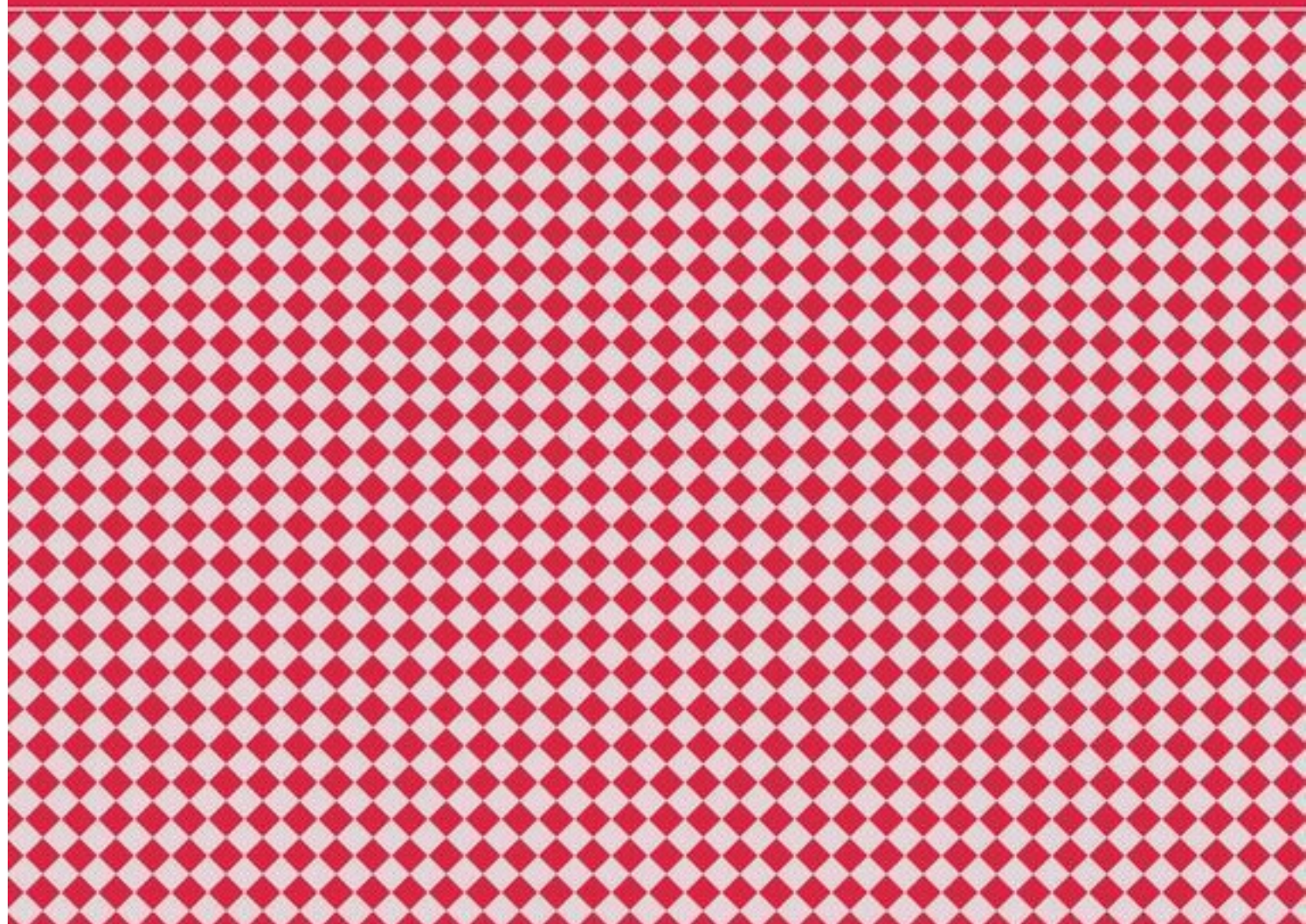

Урал-батыр

башкирский народный эпос в изложении
Айдара Хусаинова

Айдар Хусаинов

**Урал-батыр. Башкирский
народный эпос в изложении
Айдара Хусаинова**

«Издательские решения»

Хусаинов А. Г.

Урал-батыр. Башкирский народный эпос в изложении Айдара Хусаинова / А. Г. Хусаинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743662-9

«Урал-батыр» — самое крупное и древнейшее эпическое произведение башкирского фольклора. Перед нами прозаическое переложение, призванное сделать эпос еще более доступным и понятным читателю. Важно отметить, что работа Айдара Хусаинова — не пересказ эпоса, а талантливое воспроизведение всей его сложной композиционной и образной структуры, без ущерба смыслу и букве оригинала. Народный писатель Башкортостана Ахияр Хаким.

ISBN 978-5-44-743662-9

© Хусаинов А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Как жили во времена древнее самого древнего	6
Как Йанбирде наставлял сыновей	7
Как Шульген нарушил запрет отца	8
Как Йанбике и Йанбирде вернулись домой	9
Как Йанбирде обнаружил, что из раковины кто-то пил	10
Что сказали звери и птицы, когда собрались на зов Йанбирде	11
Как была поймана белая лебедь	12
Как Урал и Шульген встретили старца	13
Как Урал-батыр пришел в страну падишаха Катила	14
Как Урал встретил дочь падишаха Катила	15
Как Урал встретил падишаха Катила	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Урал-батыр
Башкирский народный эпос
в изложении Айдара Хусаинова

Переводчик Айдар Гайдарович Хусаинов

© Айдар Гайдарович Хусаинов, перевод, 2017

ISBN 978-5-4474-3662-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как жили во времена древнее самого древнего

Туман, глубокий туман повсюду. Не видно ни звездочки, ни огонька, лишь только туман повсюду – без конца и без начала, без верха и низа, без четырех сторон света.

Но что это? Словно посветлело вокруг, и туман начал стремительно таять, распадаясь на неравные части. Это рассвет прочертил узкую полоску на горизонте, это восходит солнце!

Поднимается светило, сверкает все сильнее и сильнее, захватывает все большее и большее пространство, гонит прочь остатки тумана, и вот уже открылось огромное чистое небо, и вот уже плещется бескрайнее море.

Играют волны, бегут они наперегонки бесконечной морской равниной и разбиваются о скалы большого острова.

Покрыт тот остров густыми лесами, а в тех лесах нет-нет да мелькнет широкая солнечная поляна.

Вот на одной из них появился обитатель этих мест, Йанбирде-Тот, Кто Вдохнул Душу. Немного поотстав, за ним идет его жена Йанбике – Душа Жизни. Они живут здесь так давно, что сами не помнят, когда появились на свет. Не помнят они, кто их отец, кто мать, где остался оберегавший их Йер-Хыу¹. Давным-давно пришли они сюда и поселились здесь.

Йанбирде и Йанбике – хозяйева этих мест. Нет у них дома, не ведут они никакого хозяйства, не разжигают огня под котлом вечерней порой, не ставят квашню, чтобы тесто замесить. Притомятся, захочется им поспать – высокая трава стелится как мягкое ложе, высокие липы склоняют свои ветви, чтобы укрыть их от дождя, густой боярышник и шиповник смыкаются вокруг них, чтобы защитить от ветра. Не знают Йанбирде и Йанбике болезней, не пристаёт к ним недуг, а любая рана тут же заживает, словно ее и не было.

Йанбирде и Йанбике живут охотой. Ни лука нет у них, ни стрел, выезжают они на могучих свирепых львах, собака ловит для них зверей, щука помогает им ловить рыбу в реках, помогает им пиявка, высасывает она кровь травоядных животных, а верный сокол прямо на лету бьет для них птиц.

Вот и теперь возвращаются они с охоты. Сзади тащится лев, на которого взвалили добычу – высокого оленя, в небе над ними кружится сокол, высматривает, что творится в округе, собака радостно лает, а в ручье весело плещется щука.

Много-много лет жили в этих местах Йанбике и Йанбирде, жили, не зная, что такое смерть. Сколько помнили себя, был у них обычай – ели они голову самцов хищных зверей, добытых на охоте, а если поймают самку – то сердце. Пили они кровь травоядных животных, которую высасывала для них пиявка, эта кровь придавала Йанбирде и Йанбике сил и бодрости.

Годы шли, один за другим, и вдруг, точно так же – один за другим, у них появились дети, два сына – Шульген и Урал.

Впереди показалась опушка леса, и вот они выбегают навстречу родителям. Радостно приветствуют они отца и мать, весело встречают их возвращение. Того, что пониже, зовут Урал, он – младший сын. Того, что повыше, зовут Шульген, он – старший сын.

Так начинается наш рассказ об Урал-батыре.

¹ Добрый дух – покровитель, буквально Земля-Вода.

Как Йанбирде наставлял сыновей

Дети Йанбирде и Йанбике росли очень быстро.

Когда Шульгену исполнилось двенадцать лет, он захотел оседлать льва и отправиться на охоту. Урал, которому в ту пору было десять лет, вслед за братом решил натравить на дичь их верного сокола.

Но Йанбирде не дал им на это своего благословения. Он сказал им так:

– Дети мои! Вы дороги мне, словно очи, которыми я смотрю на белый свет. Но разрешить вам охотиться не могу – у вас еще не выпали молочные зубы, вы еще не окрепли телом и душой, не пришло пока ваше время сесть верхом на льва, в руки взять сукмар², сокола с криком выпустить на дичь.

Не торопите своего детства и слушайте меня.

А я вам говорю – чтобы привыкнуть к верховой езде, садитесь на оленя. Чтобы научиться охотиться с соколом, пускайте его на стайку скворцов. Есть захочется – ешьте, пить захочется – пейте, но только воду из родника. Пить то, что мы с матерью пьем, вам запрещено.

Кивнули мальчики, усмирили юный пыл, принялись за свои новые занятия.

² Сукмар – дубина, булава

Как Шульген нарушил запрет отца

Однажды Йанбирде и Йанбике ушли на охоту и долго не возвращались. Мальчики играли на полянке, а когда проголодались, Шульген вдруг сказал младшему брату:

– Давай попробуем то, что пьют наши родители. Я подсмотрел, где они прячут кровь.

– Нельзя, – отвечал ему Урал. – Отец не разрешает, ведь ты же знаешь об этом.

Тогда Шульген стал уговаривать брата:

– Да ты не бойся, он ничего не узнает, мы же только попробуем кровь на вкус. Питье-то сладкое, наверно. Если бы это было не так, отец и мать не ходили бы на охоту, не губили зверей, позабыв о сне и отдыхе.

– Пока не стану егетом, пока не узнаю людских обычаев, пока не постранствую по земле и не уверюсь в том, что Смерти-Улем на свете нет – пробовать кровь не буду, – твердо стоял на своем Урал.

– Да ты просто трус, – разозлился тогда Шульген и стал громко смеяться над братом.

– Нет, я не трус, – не поддался Урал. – Львы, тигры и медведи тоже очень храбрые звери, но и они плачут, когда к ним приходит Смерть. Вдруг, если попробовать кровь на вкус, она здесь появится?

На плотву щука охотится, на суслика – сурок, а лисица – на зайца. Если так подумать, получается, что сильный для слабого и есть Смерть. Разве не мы, люди, ловим рыб, ныряющих в глубину, птиц, что поют на скалах? Мы, четверо, и ввели этот обычай в наших краях. А если звери задумаются об этом, если все соберутся и когти свои обратят против нас, как сукмар, и бросятся на нас – разве тогда не явится к нам Смерть, о которой отец нам говорил?

Призадумался тут Шульген, однако большого значения этим словам не придал.

– А ты не бойся, – только и сказал.

Побежал непослушный Шульген к тайному месту и отпил понемногу из раковин морских, в которых хранилась кровь.

Так Шульген нарушил запрет отца.

Как Йанбике и Йанбирде вернулись домой

Когда Йанбирде и Йанбике вернулись домой, они принесли с собой много дичи. Только принялись всей семьей за трапезу, как вдруг Урал спросил у своего отца:

– Отец, этот олень, как ни старался, не ушел от твоей руки. А может быть, кто-нибудь так же придет и убьет нас, как ты убил оленя?

Ответил ему Йанбирде:

– Когда приходит срок, мы становимся смертью для всякого зверя. В каких бы чащах он не скрывался, в какие бы горы не забрался, мы все равно придем за ним. А чтобы убить человека – не родилась еще такая душа.

Призадумался Йанбирде, склонил голову, помолчал. Припомнил он то, что случилось с ним и его женой в былые времена, и принялся рассказывать такую историю:

– Давным-давно, в тех местах, где мы родились, где жили наши отцы и деды, Смерть-Улем появлялась часто. Тогда многие юноши внезапно падали на землю и оставались лежать бездыханными.

И вот однажды случилось то, чего никогда раньше не случалось – из-за моря пришел страшный Див. Многих он тогда проглотил, а кто спасся – того поглотило море. Разлилось оно так, что вскоре на всей земле не осталось суши.

Кто не погиб – убежал куда глаза глядят, и вскоре не осталось в тех местах никого, кроме Смерти. Она не заметила, что и мы с вашей матерью скрылись, не стала нас догонять. А мы пришли сюда, и с тех пор живем в этих краях, где нет Смерти-Улем и где всему живому хозяева – мы сами.

Тогда Урал спросил:

– Отец! А можно ли Смерть погубить, чтобы она больше не причиняла зла никому на свете?

– Смерть, сынок, невидима для глаз и приход ее незаметен, – отвечал ему Йанбирде. – Бороться с ней очень и очень трудно.

Он замолчал, задумавшись надолго. Но когда Урал и Шульген уже и не ждали ответа, лицо Йанбирде просветлело и разгладилось.

– На земле есть управа на нее, – сказал он с надеждою в голосе. – Течет в стране Падишаха всех дивов Живой Родник. Если испить из него – тогда, говорят, человек никогда не умрет. Смерть над ним будет не властна.

Как Йанбирде обнаружил, что из раковины кто-то пил

Долго рассказывал Йанбирде, наконец, в горле у него пересохло, и он решил утолить жажду. Пошел он в укромное место, принес оттуда морскую раковину, в которой хранил свое питье. Открыл Йанбирде раковину и вдруг увидел, что она неполная. Тогда осмотрел он ту раковину повнимательней и обнаружил на ней следы детских пальцев. Понял Йанбирде, что кто-то из его сыновей, а может быть, и оба, нарушил запрет. Страшно рассердился Йанбирде.

– Кто пил из этой раковины? – грозным голосом спросил он у сыновей.

Сыновья молчали.

– Кто посмел? – спросил он еще более страшным голосом. Тут сердце Шульгена не выдержало, и он срывающимся голосом крикнул:

– Никто! Никто не пил, атай³!

Этого Йанбирде стерпеть уже никак не мог. Схватил он палку и стал бить сыновей, приговаривая:

– Не только пили, но еще и врете!

Мальчики вскрикивали под ударами, закрывались руками, но палка безжалостно хлестала их по рукам, по ногам, по спинам. Наконец Шульген не выдержал и закричал:

– Это я, я пил!

Но это не принесло ему облегчения. Теперь отец бил его одного, бил страшным, яростным боем.

Тут Урал подскочил к отцу, схватил его за руку и закричал:

– Одумайся, отец! Остановись! Посмотри на палку в твоей руке – ведь она когда-то была молодым деревцем, что росло в лесу, на ветру колыхалось, трепетало листвою. Птицы пели на ней, вили гнезда. Словно младенец, что сосет грудь матери, это деревце сосало влагу из земли и была прекрасным существом!

А когда его от родного корня отделили, когда лишили его веток и листьев, стало оно безжалостным, что твой каменный молот, словно щука, что ловит рыб, собака, с которой ходят на охоту, как сокол, что пускают на птиц. Разве не стало оно бездушным орудием в твоих руках?

Много лет ты прожил на земле, но так и не понял, что такое Смерть, сердцем ее не почувствовал. Если еще раз ударишь свое дитя, не значит ли это, что ты в своем собственном доме, на собственных детях хочешь показать, как приходит смерть от сильного к слабому, от отца к детям его? Если сегодня брата убьешь, завтра – меня, останешься совсем один. А когда придет старость, сторбишься, высохнешь ты, не сможешь ходить на охоту, и лев твой, и собака, и сокол и пиявка – все станут голодать, кровью нальются их глаза. И тогда лев, разъярившись, порвет свою привязь и набросится на тебя и разорвет на куски. Что станет с тобой тогда? Не придется ли тебе встретить Смерть в своем собственном жилище?

Услышал эти слова Йанбирде и бросил свою палку. Уже ничего нельзя было поправить – старший сын нарушил запрет отца. Грузно опустился Йанбирде на камень, задумался.

– Наверное, Улем-Смерть пришла сюда незримо и искушает меня убить сына, – сказал он наконец. – Что же такое эта Смерть? Надо созвать всех зверей и птиц, расспросить их. Не может быть, чтобы никто не видел ее. Тогда и решим, что дальше делать.

³ Атай – отец

Что сказали звери и птицы, когда собрались на зов Йанбирде

И вот собрались все звери на большой поляне посреди леса. Прилетел Журавль на тонких крыльях. Появилась, словно ниоткуда, Сорока. Приковылял, тяжело переваливаясь, задевая крыльями землю, Ворон. Львы сели справа и слева от Йанбирде, показывая всем своим видом, кто здесь самый главный. Олени робко толпились невдалеке. Огромный Лось вышел на поляну, дошел до самой середины и остановился в нерешительности. Глухари и более мелкие птицы расселись на ветках, а волки, лисы и зайцы заняли всю поляну.

Йанбирде сидел на камне в глубокой задумчивости. Он еще не пришел в себя от потрясения, которое испытал впервые после долгих-долгих лет мирной жизни. Тогда Урал смело вышел вперед и сказал, обращаясь ко всем, кто собрался на поляне:

– Сколько мы живем – всегда сильный пожирает слабого. Давайте отвергнем этот злой обычай. Ведь есть среди нас такие, что мяса не едят, крови не пьют. Растят они своих детенышей на поживу хищникам. Это несправедливо. Давайте откажемся от этого обычая, пусть Смерть останется одна, тогда мы настигнем ее и уничтожим!

Хищные звери, и с ними Шульген, не согласились с этими речами, стали переговариваться между собой. Не понравились им слова Урала.

Выступил вперед черный, как сама ночь, Ворон. Повел он такую речь:

– Я не побоюсь встретиться со Смертью, я многое в жизни видел. Но вот схватить ее и выдать на растерзание – с этим я никогда не соглашусь. Подумайте сами – если сильный перестанет охотиться за слабым, если никто не будет умирать, если звери, подобные зайцам, которые плодятся три раза в год, будут жить вечно – тогда на земле не останется свободного места, не будет воды, чтобы пить, еды, чтобы наслаждаться пищей.

И еще скажу так – видел я нужду и голод, перенёс много страданий. Но не смогу жить на свете, если крови не попью, если не поем мяса, если жира из глазниц хотя бы раз в три дня не поклюю.

Подхватила эти речи Сорока и так крикнула со своего места:

– Кто смерти боится – пусть ищет путь к спасению! Кто хочет сохранить свое потомство – пусть ищет безопасное место!

Понравились эти речи хищникам, и они одобрительно зашумели, стали рычать и подскакивать на месте.

Тогда журавли и гуси, утки, тетерева, куропатки и перепелки решили держаться вместе, хорониться в лесных чащобах и на болотах, там выводить на свет своих детенышей.

Дикие козы и олени, бурошекие зайцы ничего не сказали. Они гордились тем, что умеют быстро бегать. Они думали, что на своих быстрых ногах убегут от Смерти.

Жаворонки, скворцы и сойки, воробьи, вороны и галки тоже промолчали, потому что были маленькими, слабыми птицами, питались тем, что оставалось от больших зверей, или просто ели что попало. Вот они и постеснялись сказать свое мнение на таком большом совете.

Так и не пришли они к единому мнению, каждый остался при своем.

С той поры старик Йанбирде уже не оставлял Урала и Шульгена одних. С той поры стали они ходить на охоту вчетвером.

Как была поймана белая лебедь

И вот однажды случилась великая охота. Дичь словно сама лезла в силки – все охотничьи мешки были переполнены.

Когда охотники наконец вернулись домой, стали они разбирать добычу. Тогда попалась им среди прочей живности птица-лебедь со сломанным крылом. Опутал ей ноги старик Йанбирде, замахнулся острым ножом, чтобы голову отсечь, и тут заплакала птица кровавыми слезами, заговорила:

– Не убивайте меня, не безродная я сирота, вашего, людского племени дочь!

Удивились таким речам Йанбирде, его жена Йанбике и дети их Урал и Шульген. А птица-лебедь продолжала:

– Когда отец мой пару себе искал, никого не нашел на всей земле. Обратил он взор на небо и взял себе в жены Солнце и Луну, приворожил к себе обеих. Он – Падишах всех птиц, имя его Самрау, вот кто мой отец! Он все равно придет ко мне на помощь и освободит меня! Прошу вас, не лишайте меня жизни!

А если не послушаетесь меня, если разорвете меня на части, все равно не стану для вас пищей! Мать моя, Кояш-Солнце еще в младенчестве омыла меня в водах Живого Родника, так что Смерти я не подвластна. Так говорю вам я, Хумай! Отпустите меня, и я укажу вам путь к Живому Роднику!

Растерялись Йанбирде и Йанбике, не знали они, что делать, как поступить. Стали спрашивать совета у своих детей. Шульген не поверил птице, сказал, что ее надо съесть, а вот Урал заступился, думая отпустить ее на волю. Такой между ними вышел спор.

Наконец Урал сказал Хумай (этим именем назвалась лебедь):

– Не горюй, я верну тебя твоим родителям.

Осторожно отнес ее в сторону, положил раненую птицу на землю.

Лебедь взмахнула здоровым крылом, и выпали из него три пера. Она обмазала их сочившейся кровью, бросила на землю и тогда, откуда ни возьмись, появились три птицы. Подхватили они лебедь легкими крыльями и унесли в высокое небо.

Понял тогда Йанбирде, что кончилось для его детей беззаботное время, что пора им отправляться в путь, за птицей-лебедью – искать дорогу к Живому Роднику.

Наказал Йанбирде своим детям слушаться друг друга, во всем помогать, а если Смерть им по дороге попадется – отрубить ей голову и привезти домой.

Сели сыновья на могучих львов и отправились в далекий путь. Долго смотрели вослед сыновьям Йанбирде и Йанбике, и не знали они, когда увидят своих сыновей, и придется ли когда встретиться с ними.

Как Урал и Шульген встретили старца

Время в пути течет незаметно. Ночь проходила – наступал день. День проходил – наступала ночь. Так шли месяц за месяцем, год за годом.

Возмужали братья в дороге, ясными глазами стали глядеть на мир. Пересекали они широкие реки, через горы переваливали, темные леса проезжали. Всякое попадалось им в пути, многое пришлось изведать.

И вот однажды вдалеке увидели братья огромное дерево. Устремилось оно своей вершиной в небо, так что если посмотреть туда – шапка упадет непременно. Подъехали братья ближе, и оказалось, что под тем деревом стоит седобородый старец с длинным посохом в руке. Спешились братья, поприветствовали старца, отвесили ему земной поклон.

Ласково встретил их старец, спросил, куда путь-дорогу держат. Не стали братья таиться, рассказали все, как есть, что задумали они отыскать Живой Родник, от Смерти-злодейки избавиться.

Окинул их взглядом старик, задумался. Наконец, погладив седую бороду, молвил так:

– Укажу я вам, храбрые мои молодцы, две дороги. Та, что идет налево, – ведет в страну падишаха Самрау, царя птиц. И днем, и ночью в той стране веселье, не знают подданные его, что такое печаль и уныние. Там волки и овцы пасутся на одном лугу, там лисы и куры гуляют вместе по темным лесам безо всякой опаски. Да, велика и обильна та страна, там крови не пьют, там мясо в пищу не употребляют, там платят добром за добро, и никогда не отыщет Смерть дорогу в ту страну.

Но горе тому, кто пойдет направо! Приведет его дорога в страну падишаха Катила, страну горя, страну жестокосердия и зла. Там земля усыпана человеческими костями, там живые завидуют мертвым и проклинают час, когда появились на свет. Вся земля там залита кровью.

Услышали такие слова братья и поняли, что пришла им пора расстаться. Решили они бросить жребий, чтобы выбрать свой путь.

И выпало так, что Шульген должен был отправиться направо, в страну падишаха Катила. Не согласился с этим Шульген, гневно нахмурил брови. Отрывисто бросил:

– Я старший, я выбираю дорогу.

И пошел налево, даже не попрощавшись.

Бросился было Урал вослед брату, но быстро опомнился. Понял он, что пути их расходятся, только не знал – насколько.

Делать было нечего, и Урал, поблагодарив старца, пожелав ему здоровья и благополучия, пошел направо, в страну падишаха Катила, страну безмерного горя и страдания.

Как Урал-батыр пришел в страну падишаха Катилы

Долго шел Урал в страну падишаха Катилы, переправлялся через широкие реки, переваливал через высокие горы. И вот однажды попала ему в пути, у подножья высокой горы, старуха в нищенском рубище. Вся спина у нее была исполосована, словно били ее кнутом, плечи изодраны в кровь, словно терзали ее злые волки. Руки и ноги потрескались у нее, словно у курицы, которая день-деньской добывает себе пропитание, ковыряясь в земле. Все лицо у нее почернело, словно трава, что побита морозами.

К ней прижималась девушка с глазами, подобными озерам, что сверкают сквозь камыши, тонкой талией, подобной пчелиной. Было видно, что боится она незнакомца, восседающего на огромном льве, да и стыдно ей, что предстала перед егетом в убогом рубище.

– Не бойтесь меня, – воскликнул Урал, подходя к ним. – Никому не желаю зла, ищущий я Смерть-злодейку, хочу людей от нее избавить. Расскажите мне, в какую страну я попал.

Улыбнулись старуха и девушка, с места поднялись, подошли к егету. Старуха пригладила свои растрепанные волосы, заложила их за уши и, чуть-чуть распрямившись, стала рассказывать, широко раскрыв глаза.

– Ох, егет, видно, что горя ты не видел, не бывал ты в нашей стране. Правит у нас жестокий падишах Катил. Черны его дела – раз в году хватает он юношей и девушек, мужчин и женщин, отбирает из них самых лучших, приводит к себе во дворец. Дочь его забирает себе всех егетов, а всех девушек он отправляет на свою половину. Некоторых, кто помилее, разбирают его приближенные, а всех остальных приносят в жертву – девушек в озере топят, парней сжигают на огромном костре. Такую жертву приносят они ежегодно духам предков и богу, так потакают они своему тщеславию.

Десятерых детей родила я на свет, и девятых из них забрал жестокий падишах Катил. Долго терпел мой муж, но однажды разум его помутился от горя. Не помня себя, бросился он на слуг падишаха. Не простили его, живьем зарыли в землю.

Однажды пришел ко мне приближенный падишаха, сказал: «Мне нравится твоя дочь, я беру ее в жены». А ведь для меня нет ничего дороже дочери, одна она у меня осталась. И тогда в темную ночь бежали мы в лес, и теперь вся наша жизнь проходит в страданиях. Таких, как мы, много скрывается по чащобам.

Вижу, что ты, егет, очень добр. Прошу тебя, не ходи в страну падишаха Катилы, пожалей себя! Вернись туда, откуда пришел!

Но Урал только покачал головой:

– Не для того я долгие годы провел в пути, не для того много дорог прошел, чтобы ни с чем вернуться в отчий край. Должен я отыскать злодейку-Смерть, должен посчитаться с нею.

Попрощался Урал с со старухой и ее дочерью, сел на верного льва и отправился в путь, в страну падишаха Катилы.

Как Урал встретил дочь падишаха Катила

Шли дни, пылила дорога, и вот однажды увидел Урал вдалеке большую толпу, словно тысячи и тысячи людей собрались на какой-то большой праздник. Подъехал ближе егет, видит – и вправду толпится здесь множество людей, все они как один – в том самом обличье, в котором всякий появляется на свет, да вот только не похоже это сборище на праздник.

Люди здесь не бродили по округе, не переговаривались, как то бывает на шумных и веселых праздниках. Все стояли в великом страхе, глядя в затылок друг другу. Пригляделся Урал и понял, что собрали людей насильно. Куда бы он ни бросил взгляд, слева стройными рядами стояли одни женщины, справа – одни мужчины. Ни стариков, ни детей среди них не было.

Да только не все были голыми в той толпе. Там и сям мелькали люди в странной одежде, в руках у них были большие бичи, которыми они загоняли обратно тех, кто нарушал строй. Но строптивцев было очень и очень мало, люди в той толпе застыли в великом молчании посреди огромной площади.

– Неужели это и есть страна падишаха Катила, о которой рассказывала старуха? – подумал Урал.

Он решил выяснить все и, не мешкая, подошел к людям, что стояли в сторонке. Там как раз были и старики, и дети. Были они одеты, как велит обычай, как полагается людям, что и отличает их от зверей, не знающих иной одежды, кроме своей шкуры.

Увидев, что к толпе подъехал незнакомый егет, люди сперва шарахнулись от него, но, видя, что он улыбается и, кажется, не хочет причинять им никакого вреда, осмелели и придвинулись поближе. Отделился тогда от толпы старец, обратился он к юноше с такими словами:

– Юноша, по твоему виду, по удивленным взглядам, которые бросаешь на толпу, могу ли я предположить, что прибыл ты к нам из чужой страны?

Видя, что егет обратил на него свой взор, старец продолжал:

– Позволь мне рассказать о наших обычаях. В этой стране есть падишах, и вот сегодня ты как раз попал на праздник, кояторый он устраивает для своих приближенных в честь матери своей и своего отца, в честь колодца, из которого брали воду, чтобы омыть новорожденного царственного младенца. И сегодня в их честь будут принесены великие жертвы, как принято это в наших краях.

На знамени нашего падишаха ворон изображен, и ты, наверное, уже видел, как много вокруг летает этих птиц?

Урал огляделся – вокруг и вправду летало много воронов. Еще больше их сидело невдалеке, на небольшом холме. Этот холм был черен от птиц, которые собрались там, словно на свой праздник.

– О да, юноша, именно им будут принесены великие жертвы из нашего народа. Видишь ли ты колодец? Туда будут сброшены девушки наши, чтобы потом, когда они умрут, их тела попали на съедение воронам.

А те егеты из разных родов, у них другая участь – каждый год дочь падишаха выбирает себе жениха из их числа, а кто понравится падишаху – тот будет рабом его, будет прислуживать во дворце. Остальные будут принесены в жертву богу, которому поклоняется падишах.

Вдруг сильный шум прервал речь, которой с великим изумлением внимал Урал. То приближалась дочь падишаха. Она восседала на троне, который несли четыре раба-исполина.

– Слушайте, слушайте! – кричали глашатаи. – Пусть просветлеют ваши лица, пусть радость наполнит ваши сердца! Приближается дочь падишаха! Приближается наша владычица!

Медленно двигалось шествие. За тронем в некотором отдалении важно шли аксакалы, что служили падишаху Катилу.

Покачивался над толпой высокий золотой убор царевны. Вот она подъехала ближе, и все увидели на троне девушку невиданной красоты.

Урал завороженно смотрел на нее, пока дочь падишаха медленно объезжала ряды. Злая гримаса застыла на ее лице, гримаса отвращения – никто не нравился ей из этих посиневших от холода, съезжившихся на ветру людей.

И вдруг ее взор просветлел – она увидела высокого красивого юношу, который стоял в толпе, как все, и смотрел на нее восхищенными глазами. Ни слова не говоря, величественным жестом она остановила шествие. Взоры всей толпы обратились к тому, на кого она обратила внимание. Царевна молча ожгла взглядом Урала и протянула ему яблоко. Ошеломленный ее красотой, потому что вблизи она казалась еще прекрасней, юноша это яблоко. Дочь падишаха подала знак своим прислужникам, и шествие двинулось дальше.

– Дочь падишаха влюбилась! Явился зять падишаха! – провозгласили глашатаи. Толпа шарахнулась в сторону от Урала, к нему подошли аксакалы с радостью на лице. Удивился Урал, нахмурил брови:

– Что все это значит? Что вам от меня нужно?

– Теперь ты наш зять, – заулыбались ему аксакалы. – Идем с нами во дворец, ты стал мужем дочери падишаха. Теперь ты наш повелитель. Таков наш обычай!

Пожал плечами Урал, сказал спокойно:

– Я приехал к вам издалека. Обычаев ваших я не знаю, потому и во дворец не пойду. Посмотрю, чем все это кончится, тогда и решу, как быть. Если захочу – сам отыщу эту девушку.

Изумились аксакалы, видно было, что отказ для них – дело небывалое. Стали они переговариваться, не зная, как поступить. Наконец, не найдя никакого другого решения, они ушли во дворец один за другим. От их важности не осталось и следа.

Как Урал встретил падишаха Катила

Гул на площади не утихал. Вдруг еще сильнее зашумела толпа. То выезжал к своему народу падишах Катил вместе со своими аксакалами.

Шестнадцать рабов везли его трон, несметные ряды воинов окружали его со всех сторон, а сам падишах возвышался над головами, как свирепый медведь в лесу возвышается над зайцами. Медленно, текуче двигалось шествие, рабы, которые несли падишаха, уставали быстро – так был тяжел падишах Катил. Их на ходу сменяли другие.

Люди в толпе разом склонили головы. Никто не мог встретиться взглядом с падишахом Катилом – гневный огонь в его глазах никто не мог выдержать.

Урал с любопытством наблюдал за происходящим, ведь все ему было в новинку. Не мог он взять в толк, почему люди боятся падишаха. Правда, ростом он выше, чем обычные люди. Но зато какой у него смешной живот, он похож на бурдюк, в котором хранят яркий белый кумыс. С виду такой бурдюк точь-в-точь камень, а тронешь – он мягкий, как шерсть. А ноги – можно подумать, что выменял у слона – такие они большие и безобразные. А затылок его, жиром налившийся – такой мог быть у доброго кабана, уж в кабанах Урал знал толк.

Падишах объезжал ряды своих подданных. Он делал знак рукой, и человека, на которого он указал, вырывали из толпы и уводили – кого направо, кого налево. Кого направо – тот должен был до конца своей жизни быть рабом во дворце, исполнять безумные прихоти падишаха, а кого уводили налево – того ждала смерть во имя вещей птицы – Ворона.

Закончил отбирать рабов падишах, с трона своего сошел, двинулся вдоль длинного ряда девушек. Остановившись возле одной красавицы, позвал он аксакала, коротко бросил ему: «Посмотри ей зубы». Сам отвел руки, которыми она закрывала лицо, коснулся груди, подержал за талию. «Эта для дворца подойдет, – бросил он аксакалам. – Других осмотрите сами, лучших отберите себе, берите сколько хотите. Остальных принесите в жертву в честь моей матери, в честь колодца, водой из которого омывали меня!».

Вдруг зашумели, закричали во дворце, и из ворот выскочила девушка. То была дочь падишаха. Она шла напрямик, не обращая внимания на людей. Лицо ее было искажено гневом, волосы развевались на ветру.

Остановившись возле Урал-батыра, она обратила к нему пылающее лицо:

– Как ты посмел оскорбить меня, егет!? Я выбрала тебя в мужья, подарила тебе священное яблоко, а ты отказался прийти во дворец! Ты покрыл тьмой мое лицо, ты опозорил меня перед рабами!

Наконец и падишах увидел, что вокруг творится что-то небывалое. Он подал знак, и его поднесли поближе. Аксакалы уже шептали на ухо падишаху, что случилось, почему его дочь вернулась на майдан в страшном гневе. Лютой завистью завидовали они, что на долю Урала выпало такое счастье, а теперь были рады очернить его в глазах правителя.

Люди в толпе, что ждали неминуемой смерти, увидев, что случилась заминка, стали радостно переговариваться между собой. Узнав обо всем, падишах пришел в ярость, так что даже спрыгнул со своего трона и встал во весь рост перед Урал-батыром.

– Какого ты рода, егет, что смеешь отказывать моей дочери? – прогремел-пронесся над площадью его голос. Люди в страхе перед гневом падишаха попадали на землю, закрывая лица руками.

Но Урал спокойно выдержал взгляд огненных глаз падишаха, не испугался громового голоса.

Видя это, падишах решил испугать незнакомца:

– Знай же, егет, что о роде моем, обо мне – падишахе Катиле слава идет по всей земле. Знают обо мне люди, знают обо мне птицы и звери, знают обо мне даже мертвецы в своих тесных могилах.

Дочь моя приказала тебе идти во дворец. Почему ты отказываешься сделать это? Почему раздумываешь? Никто в моей стране не имеет права нарушать моих обычаев!

Не поддался угрозам Урал-батыр, смело глянул в лицо падишаху:

– Я не знаю тебя и твоих обычаев. Много странствовал я по свету, нигде на земле не приходилось мне видеть такого, чтобы людей резали словно скот.

Я – тот, кто ищет Смерть, чтобы убить ее. Я ничего не боюсь и никого, даже птенца, не отдам ей на заклятие.

Понял тут падишах, что перед ним человек из чужой страны, человек, каких ему видеть еще не приходилось. «Мало ли кем может оказаться этот смельчак», – подумал он и обратился к дочери:

– Дочь моя, видишь, этот человек просто глупец. Много по свету шляется всяких безумцев! Иди во дворец, забудь про свои печали, мы найдем тебе развлечение по нраву.

Шепот радости пробежал по рядам приближенных, никто не хотел, чтобы кто-то слишком смелый становился зятем падишаха.

– А вы что стоите? – излил свой гнев на прислужников Катил-падишах. – Быстрее бросайте в огонь тех, кто предназначен огню, топите тех, кто смерть свою должен найти в пучине. Пошевеливайтесь!

И он воссел на трон, величественный в своем гневе.

Тогда Урал смело вырвался вперед. Громом прогремели его слова:

– Родился я на свет для того, чтобы Смерть победить, найти Живой Родник, людей от смерти спасти и воскресить мертвых. Не дам я тебе, кровожадный падишах, вершить свои дела! Развяжите руки рабам, развяжите руки девушкам. Аксакалы, прочь с моего пути!

Катил размышлял недолго, ярость захлестнула его, и он подал знак огромной ручищей. Тогда словно из-под земли появились на майдане четыре великана, огромных, словно дивы, заросших шерстью, как звери. Земля дрожала под их ногами, головой они заслоняли солнце.

– Закуйте этого егета в кандалы и приведите ко мне, – закричал падишах, вне себя от ярости. – Если Смерти ищет он, покажите ему смерть!

– Стойте, – воскликнул Урал, обращаясь к тем батырам. – Я не хочу убивать вас. Но я знаю, что вы ни за что не склонитесь предо мной, пока не испытаете мою силу. Так вот – есть ли у вас такой сильный зверь, которого вы не можете победить? Я сражусь с ним, тогда мы и посмотрим, кто здесь сильнее.

Батыры переглянулись и захохотали. Они решили, что незнакомец струсил. Захохотал и падишах. Он подумал, что так даже будет лучше, если непокорного победит животное, а не человек. Тогда скажут – сама природа отвергает этого безумца, восставшего против падишаха Катилы!

– Приведите, приведите сюда быка, – взревел он, бешеный от радости. – Моего быка, что поддерживает дворец.

Перепугались люди в толпе, пожалели они Урала. «Пропадет, пропадет егет ни за что», – шелестело в толпе. Долетел этот шепот до непреклонной, гордой дочери падишаха. Тогда, не раздумывая, склонилась она перед отцом.

– Остановись, прошу тебя, – быстро-быстро заговорила она. – Ведь ты же сам разрешил мне выбрать жениха, на то была твоя воля. И вот я выбрала себе в женихи этого егета, а ты что делаешь? Ты отнимаешь его у меня. А ведь я не перемолвилась с ним даже словом. Не губи его!

Мрачно взглянул падишах Катил на свою дочь, но отвечать ей не стал. Он подал знак, и царевну увели прочь.

Земля содрогнулась раз, другой, и вот на площадь перед дворцом выскочил бык, огромный, словно гора, ужасный в своем гневе, словно тысяча змей. От его морды слюна разлетелась во все стороны, и там, куда она попадала, загоралась земля. Куда ступало его копыто – оставалась большая яма, словно кто-то усердно рыл ее весь день.

Остановился бык по знаку своего повелителя, падишаха Катилы, голову перед ним склонил, стал водить ей из стороны в сторону, обнажив страшный клык. Бросились люди в разные стороны от чудища, и на пустой площади остался один Урал.

– Так это ты, егет, потревожил мой сон, – бешено заревел бык. – Ты лишил меня покоя? Нет, я не стану тебя топтать, нет. Ты сгниешь на моих рогах, ты будешь висеть на них, пока ветер не развеет твой прах!

Огромные бычьи рога, прямые, словно копья, широкие, как бревна, двигались из стороны в сторону вслед его словам.

Ответил ему Урал:

– И я обещаю тебе, великий бык, – не стану тебя губить. Докажу тебе, что человек сильнее всех на свете, и тогда не только ты, но и все племя твое на веки вечные станет рабом человека.

Рассвирепел от этих слов бык, бросился он на Урала, взрывая землю копытами. Хотел он подбросить егета вверх, чтобы потом поймать его на рога. Но не тут-то было, изловчился егет, ухватил он эти рога, пригнул к земле.

Стал бык вырываться из рук Урала, в землю по колено ушел от натуги, черная кровь потекла из его пасти, выпал из нее огромный клык. Обессилел бык и рухнул на землю.

Увидев это, все растерялись. Такого еще не было, чтобы кто-то одолел огромного черного быка.

Урал сдержал свое слово. Ухватив за рога, вытащил он быка из земли и с силой поставил на землю. Раскололись копыта быка, треснули пополам, в трещины забился песок, смешавшийся с кровью.

Сказал тогда Урал вещие слова:

– Рога твои, что согнул я в честном бою, останутся согнутыми навсегда, в пасти твоей щербатой никогда больше не будет расти острый клык, копыта твои раздвоенные останутся такими, пока существует на земле твой род. Испытал ты силу человека, понял, что слаб перед ним. Теперь и ты, и твои потомки будете служить ему до скончания веков. Не смей больше грозить человеку!

Падишах, увидев, чем дело обернулось, кивнул своим батырам. И так велик был их страх перед Катилом, что батыры вышли к Уралу. Надеялись они, что теперь, после битвы с быком, ослабел Урал, сил у него поубавилось.

– Когда умрешь ты в наших руках, в какую сторону бросить твое тело? – спросил, насмехаясь, главный из батыров.

Не устрасился их силы Урал, смело шагнул вперед.

– Я – тот, кто ищет Смерть, чтобы победить ее! – воскликнул он. – Испытайте мою силу! Если умру от ваших рук, тело мое отдайте льву. Если хватит сил – забросьте его в Живой Родник.

Но ответьте и мне – если вы попадете в мои руки, и ваши души затрепещут, словно мотыльки ночью порой возле огня, в какую сторону забросить ваши тела? Где искать мне их, когда вернусь я с Живой водой воскрешать мертвых?

Расхохотались батыры, нелепой показалась им мысль, что Урал победит их всех.

– Ну что же, – протянул самый главный сквозь смех. – Если уж действительно ты нас одолеешь, тогда брось наши тела в ноги падишаху и его приближенным.

Пока один из них говорил, остальные окружили Урал-батыра со всех сторон и по знаку предводителя бросились в бой. Вчетвером пытались они его повалить, но егет отбросил одного, потом другого, а затем уже и двух оставшихся. Высоко взлетели в небо батыры падишаха, и вот

упали они в толпу, в которой стояли падишах Катил и его приближенные, упали с такой силой, что земля задрожала. Предводитель батыров упал на самого падишаха, а остальные – на приближенных его. Так нашли свою смерть те, кто служил темной силе. Их тела обратились в грязную жижу.

И тогда изумленные рабы, что стояли связанными и ждали своей смерти, поняли, что жизнь их оборвется не сегодня. Освободились они от пут, бросились к Урал-батыру, окружили со всех сторон, стали его благодарить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.